

Д. И. Багалей

**Магдебургское право в
левобережной Малороссии.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. И. Багалей**
Магдебургское право в левобережной Малороссии. / Д. И. Багалей – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-4185-0

Журнал министерства народного просвещения. 1892 год. Часть CCLXXX

ISBN 978-5-4241-4185-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Острожскому, и грамота была написана на его имя. На Украинѣ за Днѣпромъ, говоритъ король, находится пустое мѣсто—городище Перяславъ; его то со всѣми грунтами, городищами, селищами, водами, лѣсами и всякими пожитками мы утверждаемъ въ старыхъ границахъ, какъ держали его паны отчины, за кн. Острожскимъ; опъ можетъ устраивать здѣсь города и села и населять ихъ людьми, которые будутъ пользоваться свободно своимъ имуществомъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые будутъ имѣть осѣдлость въ самомъ замкѣ и городѣ Перяславѣ, предоставляется нѣмецкое магдебургское право со всѣми его вольностями и порядками. Въ городѣ учреждается 2 базара (еженедѣльно) и 3 ярмарки (ежегодно); поселенцамъ и прїѣзжимъ купцамъ разрѣшается свободная торговля и продажа въ корчмахъ вина. Своимъ слобожанамъ кн. Острожскій можетъ давать льготы на 30 лѣтъ, въ виду чего подданные его освобождаются на это время отъ всякихъ повинностей. Вся эта территория отдается кн. Острожскому, потому что самъ онъ лично сдѣлалъ значительныя затраты, построивъ замки на украинныхъ пустынныхъ мѣстахъ, на татарскихъ шляхахъ, куда обыкновенно „безвѣстно“ приходили татары. Таково содержаніе привилея Стефана Баторія.

Отмѣтимъ въ немъ нѣкоторыя характеристическія черты. Любопытно, что магдебургское право дается здѣсь *новому* городу, и при томъ основанному частнымъ лицомъ. Правительство сознаетъ громадное значеніе обороны и заселенія своихъ украинскихъ пустынь и готово оказывать вселчское содѣйствіе такимъ лицамъ, которыя устраивали города и селенія. И расчетъ его былъ вѣренъ: ничего не теряя, оно прїобрѣтало въ будущемъ и оборонительную линію противъ татаръ, и новыя заселенныя территории вмѣсто прежнихъ пустынь. Частные владѣльцы, конечно, ничего не теряли, предоставляли льготы своимъ слобожанамъ; владѣлецъ этихъ полявскихъ пустынь кн. Вишневецкій въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, получалъ значительные доходы съ „господарей“ (то-есть, хозяевъ), обитавшихъ въ различныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ этой области. Документъ нашъ не опредѣляетъ подробностей того новаго строя, который привносился магдебургскимъ правомъ, быть можетъ, потому, что форма самоуправления должна была согласоваться съ видами и желаніями самого владѣльца, кн. Острожскаго. Право свободной торговли и ярмарокъ явилось едва ли не самой существенною привилегіей для обывателей г. Перяслава. Благодаря ему, должно было расти экономическое значеніе города среди всей окружающей его территоріи. Эта послѣдняя на-

ходила въ это время еще въ тѣсной связи со своимъ центромъ: въ грамотѣ прямо говорится, что къ Переяславу тянетъ вся округа. Да и могло ли быть иначе, когда городское населеніе набиралось обыкновенно изъ тѣхъ же элементовъ, что и сельское; доступъ въ городъ былъ свободный; рѣзкой разницы между тѣми и другими не было; мѣщане не обособились окончательно отъ другихъ группъ населенія; но продолжаться долго такъ не могло: магдебургское право, по самому существу своему, вносило обособленіе туда, гдѣ раньше его не было; этой участи не могли избѣжать, какъ увидимъ далѣе, переяславскіе мѣщане.

Въ XVII вѣкѣ населеніе малороссійскихъ городовъ: Чернигова, Пѣжина, Стародуба и Переяслава, пользуется особыми правами и представляетъ отдѣльную группу въ тогдашнемъ обществѣ. Въ моемъ распоряженіи имѣются жалованная грамоты на магдебургское право неѣтъ этимъ городамъ ¹⁾; основываясь на нихъ, я попытаюсь сдѣлать общую характеристику городского самоуправления въ Лѣвобережной Малороссіи въ первой половинѣ XVII вѣка. Магдебургское право дано было городамъ подъ вліяніемъ соображеній экономическаго характера: правительство такимъ путемъ рассчитывало вызвать увеличеніе числа городскихъ жителей вообще и купцовъ и ремесленниковъ въ частности. Сущность новаго порядка вещей заключалась въ томъ, что разнаго званія городскіе обыватели (мѣщане, купцы, ремесленники, шинкари, перекупши и т. п.) освобождались отъ всякаго инаго присуда и подвергались исключительно дѣйствию нѣмецкаго городского права. Мало того: городскому войту и магистрату подвѣдомственны были не одни мѣстные городскіе обыватели, а также и пріѣзжіе изъ другихъ городовъ; они немедленно по пріѣздѣ должны были доводить до свѣдѣнія городского уряда о своемъ прибытіи и складывать товары въ городскомъ гостиномъ дворѣ. Нѣмецкое городское право распространялось не только на лицъ, но и на имущества

¹⁾ Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, въ дѣлахъ Малороссійской коллегии, сохранилось нѣсколько систематическихъ сборниковъ официального происхожденія, заключающихъ въ себѣ полныя серіи жалованныхъ грамотъ малороссійскимъ городамъ — Чернигову, Пѣжину, Стародубу, Новгородъ-Сѣверску, Погару, Почену, Мглину и Полтавѣ; отсюда мы и извлекли жалованная грамоты, данныя польскими королями; жалованная грамота Стародубу 1620 г. напечатана, кромѣ того, въ „Обозр. Рум. оп. Малороссіи“, а 1626 г.—найдена мною въ актахъ Литовской Метрики и напечатана въ приложеніи къ редакціи на сочиненіе Д. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“.

и промыслы. Это прямо, категорически выражено въ грамотахъ. Если бы какой либо шляхтичъ или служилый человекъ, говорится тамъ, приобрѣлъ себѣ домъ, землю, огородъ или сталъ заниматься торговлей, ремеслами и промыслами, то онъ долженъ находится подъ вѣдѣніемъ магистрата и нести всѣ городскія повинности. Такова была сфера вѣдомства магистратскаго уряда; она распространялась и на другія группы населенія, разъ онѣ принимались за такія занятія, которыя уже сдѣлались исключительною принадлежностью мѣщанскаго сословія и служили его основнымъ характернымъ признакомъ. Правительство усвоило себѣ взглядъ, что промыслами, ремеслами и торговлею могутъ заниматься только мѣщане, и старалось выдѣлать ихъ въ особую юрисдикцію. Такой взглядъ господствовалъ тогда въ Западной Европѣ; на немъ покоился весь строй средневѣковой жизни, весь социально-экономическій ея бытъ. Онъ нашелъ себѣ выраженіе и въ законодательномъ памятникѣ литовско-русскаго права — Литовскомъ статутѣ, относящемся еще къ XVI вѣку: тамъ шляхтичу запрещается мѣщанскія занятія.

Но этотъ именно пунктъ на практикѣ, въ жизни, долженъ былъ встрѣтить наибольшія затрудненія. Шляхетство, свысока смотрѣвшее на мѣщанъ, не пользовавшихся политическимъ значеніемъ въ государствѣ, едва ли охотно могло подчиниться городскому уряду. Обь организаціи городского самоуправленія грамоты даютъ намъ не особенно много свѣдѣній. Во главѣ управленія стоялъ войтъ. Способъ назначенія войты былъ не вездѣ одинаковъ. Въ Черниговѣ, напри- мѣръ, Сигизмундъ III-й на первый разъ назначилъ *пожизненнымъ* войтомъ Яна Куповскаго, а затѣмъ, по грамотѣ 1623 г., дальнѣйшее назначеніе должно было зависѣть отъ короля, который изъяслялъ намѣреніе выбирать на эту должность *только католикомъ*. Въ Псковѣ первымъ и вѣстѣ съ тѣмъ пожизненнымъ войтомъ былъ назначенъ королемъ пѣжинскій и новгородъ-сѣверскій капитанъ и хорунжій; преемниковъ ему долженъ былъ назначать король, и при томъ уже изъ *мѣщанъ* католическаго или православнаго обряда безразлично. Въ Стародубѣ грамотою 1620 года разрѣшалось мѣщанамъ выбрать войты изъ собственной среды, и только требовалось утвержденіе его въ должности королемъ. Но грамота 1625 г. значительно измѣнила этотъ порядокъ вещей: власть войты перестала быть выборною; войтомъ обязательно долженъ былъ быть мѣстный староста (католикъ); мотивировалось это нововведеніе тѣмъ, что при разной юрисдикціи (то-есть, при существованіи двухъ отдѣльныхъ властей — военной и гражда-

ской) оборона замка не могла бы выполняться удовлетворительно. Въ Переяславѣ мѣщане получили право сами выбирать себѣ войта, котораго потомъ только утверждалъ въ должности король ¹⁾.

Бурмистры, радцы и лавники должны были избираться изъ среды посольства. изъ людей добрыхъ и свѣдущихъ въ магдебургскомъ правѣ, но въ Стародубѣ, по грамотѣ 1625 г., обязательно изъ католиковъ или униатовъ, а въ Черниговѣ и Нѣжинѣ — изъ католиковъ или православныхъ ²⁾. Въ первый разъ выборы урядниковъ производилъ войтъ съ посольствомъ, а потомъ войтъ, урядники и посольство; проходили они въ канунъ новаго года (католическаго). До выборовъ и назначенія войта руководящая роль принадлежала такъ называемому ревизору, который отводилъ городу землю (формальное опредѣленіе городской черты было первымъ и важнѣйшимъ актомъ городской жизни); разъ урядники были выбраны и принесли установленную присягу, ревизоръ передавалъ имъ власть и самъ сходилъ со сцены.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что центральное правительство желало сохранить за собою высшее руководство въ дѣлѣ управления малороссійскихъ городовъ; очевидно, оно не имѣло довѣрія мѣстному русскому населенію и старалось опереться на католицизмъ, никогда не чуждавшійся политическихъ интересовъ. Но этимъ оно, несомнѣнно, нарушало принципъ религіозной свободы и терпимости и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало и идею свободы выборовъ: огромное большинство городского населенія, можно даже сказать, все мѣщанство исповѣдывало православную вѣру, а между тѣмъ своимъ представителемъ, войтомъ, должно было иногда выбирать католика. Кромѣ того, назначая войтомъ старосту (какъ это было въ Стародубѣ), правительство впадало въ полное противорѣчіе съ самимъ собою: оно устраивало то *смѣшеніе* военной и гражданской власти, которое должно было уничтожать магдебургское право; это послѣднее прямо стремилось къ *отдѣленію* гражданского уряда отъ военнаго.

¹⁾ „По отшествіи нынѣшняго или впредь будущаго войта,—говорится въ привилегіи Владислава IV-го 1633 г.,—имъ самимъ вольно будетъ наследника избирати человека на тотъ урядъ вѣдомаго и въ правѣ искуснаго, а мы тѣмъ образомъ отъ нихъ обратного подтвердити и правомъ нашимъ надати должны будемъ“ (А. Ю. З. Р., III, 526).

²⁾ Въ текстѣ говорится: „katolyckiego gzymskiego у ruskiego nabozenstwa“, и мы разумѣемъ здѣсь православную вѣру; но составители грамоты могли имѣть въ виду и униатовъ.

О функціяхъ городскихъ урядниковъ грамоты распространяются мало, и это, конечно, потому что онѣ, вопервыхъ, были точно обозначены въ другихъ источникахъ — Саксонскомъ Зерцаѣ, Порядкѣ и т. д., а, вторыхъ, правительство не считало нужнымъ вмѣшиваться во внутреннее устройство городовъ. Предѣлы власти городского уряда подробнѣе всего опредѣляются въ жалованной грамотѣ Переяславу (1620 г.). Войтъ съ лавниками и бурмистръ съ райцами могли судить не только своихъ мѣщанъ, но и пріѣзжихъ купцовъ въ ихъ спорахъ и столкновеніяхъ съ мѣстными обывателями, и при томъ даже въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ (увѣчи, насилие, убійствѣ и т. п.). Магистратъ имѣлъ „правныя“ книги, коробку или „скрынку“ для храненія денегъ и печать съ городскимъ гербомъ¹⁾. Судопроизводство должно было происходить на основаніи магдебургскаго права по образцу другихъ городовъ. Официальнымъ языкомъ судебныхъ бумагъ въ Черниговѣ и Нѣжинѣ долженъ былъ быть польскій діалектъ, а въ Стародубѣ (по грамотѣ 1625 г.) въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ польскій, а потомъ латинскій.

Относительно *апелляци* мы также замѣчаемъ нѣкоторое разнообразіе. Въ Переяславѣ апеллировать, по согласію сторонъ, можно было прежде всего къ старостѣ, а потомъ уже къ королю. Въ Нѣжинѣ, по грамотѣ 1625 г., была назначена еще одна промежуточная инстанція — судъ королевича Владислава, бывшаго, какъ извѣстно, администраторомъ сѣверскихъ замковъ, отнятыхъ въ это время отъ Москвы. Въ другихъ городахъ, подобно Киеву, апеллировать на рѣшеніе войтовскаго, лавничьяго или бурмистерскаго суда можно было прямо къ королю, но только въ искахъ, превышающихъ 50 золотыхъ.

Къ сожалѣнію, грамоты не опредѣляютъ намъ точнымъ образомъ сферы и характера городского суда; наглядное понятіе о немъ могли бы дать самыя судебныя рѣшенія; но мы не имѣемъ ихъ въ своемъ распоряженіи²⁾. А priori же можно предполагать, что они мало чѣмъ

¹⁾ На черниговскомъ гербѣ изображенъ былъ св. Владиславъ съ красною хоругвию, на Стародубскомъ — дубъ съ орлинымъ гнѣздомъ; на Переяславскомъ — башня на озерѣ съ крестомъ; на Нѣжинскомъ — св. Георгій на конѣ въ полномъ вооруженіи.

²⁾ Нѣсколько такихъ рѣшеній сохранилось (напримѣръ, въ Обзорѣніи Румицельской описи Малороссіи), но ихъ такъ мало, что нельзя сдѣлать никакихъ заключеній. Ждемъ съ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ рѣшеній Бориспольской ратуши, приготовляемыхъ къ изданію однимъ изъ изслѣдователей южно-русской старины.

отличались отъ тѣхъ магистратскихъ рѣшеній, которыя относятся къ Правобережной Малороссіи и изданы въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“ проф. В. Б. Антоповичемъ.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ экономической стороны городского устройства, которая, наравнѣ съ юридической, также служила предметомъ особеннаго вниманія королевскихъ привиллегій.

Мы уже выше видѣли, что прежде, чѣмъ начинали функционировать новыя городскія учрежденія, города получали въ свое распоряженіе болѣе или менѣе значительную земельную территорію; отводъ земель, проведеніе городской черты являлось какъ бы введеніемъ въ магдебургское право. Эта поземельная собственность служила для города источникомъ обезпеченія и даже доходовъ. Размѣры ея были сравнительно довольно велики. Границы ея опредѣлялись королевскими ревизорами, которые, конечно, главнымъ образомъ руководствовались въ своемъ опредѣленіи старинными межами и заявленіями старожиловъ. Въ Черниговѣ, напримѣръ, „ограниченіе“ городскихъ земель было произведено смоленскимъ подсудкомъ Цѣхановичемъ. Одна часть ихъ должна была отойти на нашію и сѣнокосы обывателей, другая на выгонъ, а третья, наконецъ, на ратушу и городской урядъ. За первые два разряда полагался извѣстный налогъ въ пользу короля (впрочемъ, по истеченіи льготнаго срока); послѣдній же былъ свободенъ отъ него¹⁾). Кромѣ того, городскіе обыватели пользовались правомъ „въѣзда“ въ Слабискій боръ, гдѣ могли рубить лѣсъ на постройку жилищъ, и свободной рыбною ловли въ р. Деснѣ на 2 мили вверхъ и внизъ отъ города. На ратушный фольваркъ (хуторъ) отведено было 30 волокъ (то-есть, приблизительно 570 десятинъ), на городской урядъ—36 волокъ (20 на войтовство, 12 на бурмистровъ, 4—на писарей). Въ Стародубѣ собственно городская поземельная собственность была еще болѣе значительна: по грамотѣ 1620 г. на ратушный хуторъ назначено было 2 деревни въ 40 уволокъ, а по грамотѣ 1625 г.—100 уволокъ; на войтовство въ 1620 году—20 уволокъ съ подданными и мельницей, а въ 1625 г.—40, на бурмистровъ—15, на писарей—6. Въ Нѣжинѣ на войтовство полагалось 20 уволокъ, на бурмистровъ—12, на писарей—4, на ратушный хуторъ—30 съ Овдѣвскою мельницею на р. Острѣ.

¹⁾ Чернигову земля была отведена по урочищамъ вокругъ всего города; но при этомъ въ составъ ея могли пойти владѣнія духовенства и частныхъ лицъ, и потому они были заранѣе исключены изъ этой окружной межи.

Таково было земельное обезпеченіе городовъ, но земли въ то время было такъ много, что она сама по себѣ не имѣла большой цѣнности и не приносила значительной ренты. Между тѣмъ, городъ долженъ былъ нести различные расходы: давать жалованье городскимъ урядникамъ¹⁾ и служителямъ, покупать канцелярскія принадлежности и т. п. Вотъ для пополенія этихъ-то расходовъ были введены еще различныя статьи городскихъ налоговъ. Такова была *торговая* пошлина со всякихъ привозныхъ товаровъ — съ лошадей, скота, возовъ, лодокъ, хлѣба, рыбы, сельдей; *вазовое* съ вѣса, *помырное* — отъ мѣры, *мостовое*; доходы — отъ *юстиныхъ дворовъ* (ихъ въ Черниговѣ, наприимѣръ, предполагалось выстроить на городской счетъ два—одинъ для московскихъ купцовъ, другой—для иногородныхъ), съ городской *бани*, *рызничихъ лавокъ*, *кирпичнаго завода*, *мельницъ*, *вискобоекъ*, *пивоварень*, *солодовень*, *перевозъ*; наконецъ, въ городскую казну поступала *налогъ* (въ нѣсколько грошей) съ купцовъ и ремесленниковъ, сообразно съ ихъ доходами.

Всѣ эти доходы должны были употребляться не на частныя, а на общественныя нужды. Ежегодно отчетъ въ израсходованіи денежныхъ суммъ долженъ былъ даваться передъ войтомъ и всѣмъ посполствомъ. На нихъ прежде всего нужно было построить на удобномъ мѣстѣ ратушу съ часами и содержать при ней трубача, затѣмъ гостинный дворъ, баню, лавки и заводы.

Ярмарки и торги, заводимыя въ городахъ, получавшихъ магдебургское право, должны были съ одной стороны способствовать экономическому росту городовъ и обогащать городскую „скрышку“, а съ другой—увеличивать матеріальное благосостояніе каждаго мѣщанина въ отдѣльности. И вотъ, въ Черниговѣ было назначено 3 ярмарки (1-я—въ день Божьяго тѣла, 2-я—св. Симеона, 3-я—трехъ королевъ), срокомъ каждая по 2 недѣли. Впрочемъ, для огражденія мѣстнаго купечества постановлено было, чтобы прѣѣзжіе торговцы продавали свои товары только оптомъ, а не въ раздробь. Въ Стародубѣ была учреждена одна ярмарка на св. Юрія Римскаго, при чемъ доходы съ нея поступали въ городскую казну. Въ Переяславѣ по прежнему было 3 ярмарки, которыя, къ слову сказать, были приурочены теперь къ русскимъ православнымъ праздникамъ.

Мѣщане, какъ сословіе, получили важныя льготы относительно промысловъ и торговли. Всякій мѣщанинъ имѣлъ право свободно ку-

¹⁾ Въ Переяславѣ, наприимѣръ, войтъ получалъ 1/3 доходовъ.

рить горѣлку, варить пиво и медъ, дѣлать солодъ и торговать даже привозными винами (мальвазіей), но только вѣрною мѣрою (гарцеиъ или львовскою квартою). Эта привиллегія въ глазахъ городскаго населенія была самою важною и существенною; за нее оно держалось очень крѣпко и лишилось ея только въ началѣ XIX столѣтія. Но досталась она не даромъ: за нее они вносили павѣстные денежные поборы, разиѣры которыхъ были не вездѣ и не всегда одинаковы. Въ Черниговѣ и Нѣжинѣ ежегодно всякій мѣщанинъ уплачивалъ по 2 1/2 злотыхъ *капцисны* отъ cadaго нанитка; въ Стародубѣ по грамотѣ 1620 года—по 2 талара, а по грамотѣ 1625 года—по копѣ литовской и. сверхъ того, съ дома и огорода по 15 грошей и съ cadaго морга земли по 3 гроша литовскихъ; кромѣ того, всѣ мѣщане обязаны были молоть свой хлѣбъ за опредѣленную плату на казенныхъ мельницахъ и доставлять для починки этихъ послѣднихъ рабочихъ (свою челядь) и необходимый материалъ (дерево, хворостъ, камень, солому). Впрочемъ, нужно замѣтить, что переяславскіе обыватели правомъ свободнаго винокуренія не пользовались, и не трудно догадаться почему. Винокуреніе и шинки составляли здѣсь предметъ аренды и были на откупѣ въ рукахъ у евреевъ. Мѣщане могли держать у себя медъ, пиво и другіе напитки, исключая горѣлки. Только городъ, какъ юридическое лицо, имѣлъ право устроить, кромѣ солодовни и пивоварни, и винокурню; такое же право принадлежало и мѣстному старостѣ. Но за то переяславскіе купцы пользовались такою привиллегіей, какою, повидимому, не имѣли черниговскіе и стародубскіе. Въ качествѣ украинскихъ они были освобождены отъ всякихъ мытъ, исключая заграничныхъ. Они могли свободно ѣздить и сухимъ путемъ, и водою изъ Переяслава въ Литву и Польшу и обратно *безноилично* покупать и продавать товары.

Магдебургское право, наконецъ, освобождало постепенно названые выше города отъ той зависимости и отъ тѣхъ повинностей, которыя они должны были нести въ пользу старостинскаго замковаго урида. Власть этого послѣдняго надъ городомъ, получавшимъ магдебургское право замѣтно, хотя и не вездѣ въ одинаковой степени, сокращалась, повинности уменьшались. Черниговскіе и нѣжинскіе мѣщане оказывали „послушаніе“ замковому уряду (исправлять рвы и заборы), но за то освобождены были отъ всѣхъ самыхъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей: подводной, почтовой и сторожевой; только по истеченіи льготнаго срока они обязаны были давать подводы королевскимъ посламъ и голцамъ. Жители г. Переяслава въ 1620 году

не были еще свободны отъ *всѣхъ* натуральныхъ повинностей. Изъ грамоты 1620 года видно, что они возили селитру отъ мѣста ея производства (могилъ въ Переяславщинѣ), гдѣ ее выжигали „дѣловые люди“ и „волостные подданные“ подъ наблюденіемъ приказчиковъ, до Кіева. Освобождены же они были отъ этой тяжелой повинности только въ 1633 году, и то благодаря „своевольнымъ“ казакамъ. Чтобы лучше охранять городъ отъ этихъ послѣднихъ (а они въ это время сильно умножились), мѣщанъ освободили отъ „провоженья селитры до Кіева“.

Военную повинность отбывали жители всѣхъ городовъ, по размѣры ея опять таки имѣли тенденцію сокращаться. Украинные города, естественно, больше нуждались въ защитѣ, и потому обыватели ихъ принимали живѣйшее участіе въ оборонѣ. Такъ было въ Переяславѣ. Переяславскіе мѣщане выступали со своимъ войтомъ на защиту города противъ врага подъ начальствомъ мѣстнаго старосты и четыре раза въ годъ являлись на смотръ. Узнавъ отъ своей сторожи о появленіи врага, они, по стародавнему обычаю, какъ въ большихъ приступахъ, такъ и въ небольшихъ набѣдахъ, выступали на коняхъ со своею городскою хоругвою, на которой изображена была башня съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ. Отъ общенія со своевольными казаками они обязаны были всячески уклоняться: не держать ихъ въ своихъ домахъ, не отправлять въ качествѣ лазутчиковъ и т. п. Часть городскихъ доходовъ мѣщане употребляли на покупку пороха, свинца, снарядовъ на постройку и поправку башенъ и т. п. По грамота 1633 года доставила и имъ облегченіе: они освобождены были отъ обязанности являться въ обозъ, а стали участвовать только въ посполитномъ ружьенѣ. Въ Стародубѣ граждане также покупали себѣ порохъ и разное оружіе, вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ заботились объ исправномъ содержаніи валовъ, окоповъ; сторожевой службы они не несли (исключая ближайшей возлѣ самаго города), но за то являлись ежегодно на смотръ передъ городскимъ и замковымъ начальствомъ.

Такое было магдебургское право городовъ лѣвобережной Малороссіи, какъ оно выразилось въ грамотахъ. Основною наиболѣе характерною чертою этого нѣмецкаго городского права на русской почвѣ является желаніе *обособить* мѣщанъ въ отдѣльную замкнутую въ себѣ группу, которая бы представляла изъ себя по возможности самостоятельную единицу и въ социальномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Это совпадало со строемъ Рѣчи Посполитой, къ которому послѣ Люблинской уніи должна была приспособляться южная Русь. Каждому сословію, по польскимъ воззрѣніямъ, нужно было заниматься

свойственнымъ ему дѣломъ: шляхта должна владѣть мечемъ и хлопками, духовенство—молиться, мѣщане—заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, хлопы—повиноваться своимъ господамъ и обрабатывать ихъ пашы. Но южно-русскому обществу трудно было уложиться въ эти рамки-клеточки: это не гармонировало съ его прошлымъ. Да и сама жизнь нарушала то, что создавалъ законъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы нарисовать обстоятельную картину тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣвали правовыя нормы подъ вліяніемъ жизненныхъ условій. Впрочемъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что права мѣщанъ не были *вполнѣ* гарантированы жалованными королевскими грамотами. Тѣ ограниченія городского самоуправления, которыя имѣли мѣсто въ Правобережной Малороссіи и которыя дали поводъ проф. Владимірскому-Буданову и Антоновичу высказать отрицательное сужденіе о самомъ значеніи магдебургскаго права для малороссійскихъ городовъ, должны были существовать и здѣсь, потому что характеръ управления и сословный составъ населенія тѣхъ и другихъ городовъ былъ очень похожій. И здѣсь, кромѣ магистратскаго, было еще замковое или старостинское управленіе, отъ котораго въ военномъ отношеніи зависѣли мѣщане. Временное объединеніе войтовской и старостинской власти въ одномъ лицѣ (старосты) въ Стародубѣ должно было отразиться крайне неблагоприятно на самостоятельности городского самоуправления. И здѣсь существовало вредное вліяніе религіозной исключительности и даже, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ въ какомъ нибудь Львовѣ, если, напримѣръ, стародубскіе *православные* мѣщане обязаны были выбирать себѣ войтомъ исключительно католика или униата. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ настоящаго представительства не было. При томъ въ городахъ, кромѣ мѣщанъ, жили еще шляхтичи, бояре, казаки. Шляхта была свободна отъ всякихъ городскихъ повинностей; казаки, пользуясь неопредѣленностью своего положенія, уклонялись отъ нихъ. Въ Стародубѣ обитала казацкая „корова“, пользовавшаяся значительными привилегіями ¹⁾. Въ Перемышльскомъ староствѣ казаки „засѣли“ въ городскихъ хуторахъ, то-есть, завладѣли ими насильно ²⁾. Разница между ними и мѣщанами въ заня-

¹⁾ См. объ этомъ мою рецензію на книгу А. М. Лазаревскаго: Описание старой Малороссіи (32-й Отчетъ о присужденіи Уваровскихъ премій, и от дѣльно).

²⁾ Это видно изъ иллюстрацій 1615—1616 гг., напечатанныхъ г. Яблоновскимъ (Lustracje królewskiej Ziem Ruskich, W., 1877, p. 106).